А. Гордин,
кандидат искусствоведения, С.-Петербург.
Памяти коллег по Эрмитажу,
Валентины Петровны Селюгиной и Веры Владимировны Селюгиной[1]

Сохранился ли дом Федота Селюгина?

Проспект Чернышевского в Петербурге упирается одним концом в Неву, другим – в большой шестиэтажный доходный дом оранжево-охристого цвета. Это дом № 17 по Кирочной улице, в советское время носившей имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Справа на фасаде – мемориальная доска архитектору Льву Владимировичу Рудневу (1885–1956), известному, прежде всего, в качестве соавтора здания Московского университета на Воробьевых горах (ил. 1). Лев Руднев был шурином одного из братьев Тиме, владельцев турбинного завода и мельницы в селе Захино Опочецкого уезда, а через него – свойственником последнего опочецкого городского головы, известного кинолога и страстного охотника Владимира Александровича Селюгина (1873–1936)[2]. Во время осады Ленинграда некоторые из членов большой селюгинской семьи жили в рудневской квартире. Чтобы обогреться в блокадную зиму приходилось жечь мебель, книги. По словам одного из внуков Владимира Александровича, В. В. Селюгина-младшего (1947–2013), именно здесь вместе с книгами погибли оба замечательных документа, которые за тридцать лет до того успел опубликовать Л. И. Софийский: вольная, она же «абшит»[3], выданная в 1773 году графом Кириллом Григорьевичем Разумовским крепостному Федоту Степанову сыну Селюгину и его семье, и похвальный лист от опочецкого купечества и мещанства первому ратману Силе Федотову сыну Селюгину, подписанный «Генваря 18

---

[1] Выражаю особую признательность З. И. Селюгиной за любезно предоставленный фотоматериал и Я. И. Санникову за его сканирование. Благодарю Д. Андреева, познакомившего меня со своими краеведческими работами и уточнившего сегодняшнее состояние рассматриваемых в статье зданий, благодарю А. В. Кондратеню, Псковское БТИ и ГКО в лице С. А. Мясищевой и Н. Ермолаевой, а также ООО «ПромЖилСтрой» за предоставленные ими иллюстрации и справки. С признательностью вспоминаю сотрудников, увы, упраздненного ныне Опочецкого БТИ, на протяжении ряда лет гостеприимно открывавшие мне свои двери.

[2] О родственных связях и жизни этих семей см.: Тиме Л. А. Захино (Воспоминания) // Псков, № 26, 2007. С. 196–197; № 27, 2007. С. 199–202. Учась в быв. опочецком городском училище, автор воспоминаний в 1919–1925 гг. жил у Селюгиных, уезжая от них домой лишь на каникулы. См. также: Кондратеня А. В. Опочецкий кружок охотников // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений. Опочка, 2011. С. 52–56.

[3] От немецкого Abschied, «отставка», «увольнение».

дня 1793 года»[4]. По семейному преданию, вольная была получена Федотом Селюгиным в награду за постройку им для графа в Опочке «богатой водяной мельницы о 5ти поставах для муки и о 6ти для пиления теса»[5].

В сегодняшней Опочке тоже есть многоквартирный охристого цвета дом, в который упирается улица, названная в честь революционного демократа. Это дом № 69 по ул. Ленина, расположенный в створе улицы Некрасова (ил. 2, 3). Заурядное, казалось бы, здание послевоенных лет, а точнее 1957 года постройки. Но вот незадача: Виктор Михайлович Русаков в его по-своему замечательной автобиографической книге «Под небом детства» утверждает, что жил в этом доме… еще до войны. «С осени сорокового года, – пишет он, – когда брат вернулся домой с Финской кампании, мы с ним жили вдвоем в Опочке. Он работал шофером в лесхозе, я учился в пятом классе семилетней школы. Сначала брату дали проходную комнату в коммунальной квартире на Ленинской улице (дом сохранился, в него упирается Некрасовская улица), потом он получил крохотную комнату с отдельным входом на Почтовой». А в подписи к современной фотографии дома даже указано окно этой проходной комнаты: с северного торца, во втором этаже справа[6].

Трудно, разумеется, поверить, что «дом сохранился», видя, сколь не похож он на тот, что запечатлели на его месте фотографии начала XX века. Этот более низенький, в полтора этажа, и более короткий, всего в шесть осей, – но, что любопытно, крытый, как и теперь, на два ската – дом стоял заметно ближе к ныне существующему дому № 67 (ил. 4). Последнее неудивительно, ибо оба дома, маленький деревянный и большой кирпичный, составляли в ту пору одну усадьбу, хозяином которой накануне революции был уже представленный читателю Владимир Александрович Селюгин, а до того более полувека – его отец, опочецкий купец, основатель и владелец магазина мануфактурных товаров (с 1868 г.), Александр Васильевич Селюгин (1824–1916)[7].

В ответ на мои осторожные сомнения, тот ли это дом, Виктор Михайлович Русаков настаивал на верности сказанного в книге, хотя и соглашался, что

---

[4] Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912. С. 84–88 (репринтное издание: Псков, 2004. С. 104–108, рис. 21). Ратман (от немецкого Ratmann, «член совета») – выборное должностное лицо городового магистрата.

[5] Находилась немного ниже нынешнего городского моста. – РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 630.

[6] Виктор Русаков. Под небом детства. М., 1990. С. 24 (2-е издание: Псков, 1997. С. 26, 159).

[7] Говоря о более близком расстоянии между домами, следует также учесть отсутствие в прошлом у дома № 67 боковой дощатой пристройки.

дом был не совсем такой, как ныне. Что же? Быть может, его успели перестроить еще в предвоенные годы? Но нет. Во-первых, мемуарист говорит о комнате в коммунальной квартире, что нимало не соответствует нынешней планировке, а, во-вторых, невестка Владимира Александровича, Валентина Петровна Селюгина (урожденная Ерохина), которую муж возил после войны в Опочку, свидетельствовала автору этих строк, что видела в целости не только кирпичный, но деревянный дом своего свекра…

Соблазнительно было бы предположить, что нынешний дом № 69 – это перенесенный на новое место и при этом несколько измененный дом № 65, который, судя по документам БТИ, также сохранился в войну и был разобран незадолго до появления на его месте – около 1960 года – летнего павильона детского сада № 1 в свою очередь возведенного еще в 1937 году вместо двухэтажного деревянного дома XIX века (№ 63)[8]. По данным предреволюционного «Списка дворовых и усадебных мест», владельцем дома № 65, построенного или, возможно, перестроенного ближе к концу XIX столетия, был некто Анатолий Андреевич Аксенов[9]. Может быть, именно здесь и жил перед войной В. М. Русаков? Тем более что дом № 65 был настоящий двухэтажный, практически одной высоты с домом 69, да и указание на обращенное на север окно комнаты подходит ему гораздо больше – в селюгинском с этой стороны была пристройка с парадным входом и лестницей в жилой этаж (ил. 5). Однако такое предположение наталкивается на определенные препятствия. Судя по фотографиям, и, прежде всего, знаменитому снимку революционной манифестации в Опочке, дом № 65 был необшитый, бревенчатый, тогда как у дома № 69 стены «брусчатые». Не говоря уже о том, что из его семи «осей» одна приходилась на подведенные под общую крышу дощатые сени, а в расположении прочих окон совпадения с домом № 69 далеко не бесспорны[10].

Напротив, сходство между домом № 69 и деревянным селюгинским домом в размещении боковых окон фасада и в расстоянии от нижних до верхних

---

[8] *Errata*: в одной из предыдущих публикаций, посвященной порозовским усадьбам (Память кружит былое. Материалы историко-краеведческих чтений 2016 года. Опочка, 2017. С 42–43), дом, принадлежавший до 1816 г. мещанке Авдотье Порозовой, ошибочно локализован мной на месте дома № 63 по Ленинской ул., тогда как в действительности он находился в южной, либо западной части квартала.

[9] ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 3160 «Дело 2-й всеобщей переписи населения по Псковской губернии. Нач. 12 апреля 1914 – 15 июля 1915 г.». Л. 445. Благодарю А. В. Кондратеню за возможность ознакомиться с копией этого документа.

[10] Обмерные планы дома не найдены. Размеры его участка в послевоенное время – 25,25 х 25,20 м.

окон выглядит, надо признать, несколько убедительнее – особенно с учетом меньших габаритов проемов в старой постройке (ил. 6). Не противоречит предположению о частичном использовании прежнего сруба и то, что нынешний сложен из бруса толщиной около 20 см. Достаточно вспомнить такие брусовые постройки, как дом А. В. Корсакова середины XIX века (ул. Гагарина (Полоцкая), 70) и в особенности утраченный в войну дом С. М. Викулина, 1783 года постройки, находившийся по адресу ул. Ленинская, 47 [11]. Ширина дома № 69 составляет без малого четыре казенные сажени (по 213,36 см), длина же за вычетом большей части промежутка между третьим и пятым окном, соответствующего в основном лестничной клетке, близка к семи и ¼ сажени. Правда стоит отметить, что даже такие «скорректированные» пропорции плана (7¼ х 4, без учета сеней) при взгляде на старые фото дома Селюгиных могут показаться слишком удлиненными. Вдобавок, правое окно на южном торце, определенно, было расположено дальше от угла, чем теперь (ил. 6).

Все это, разумеется, лишь гадательные суждения. Ясный ответ на вопрос, сохраняются ли старые конструкции и от какой именно постройки в составе дома № 69 по ул. Ленина, требует тщательных натурных исследований и архивного поиска – прежде всего, в документах опочецкого Горкомхоза. Хорошая возможность обследовать сруб была при недавней замене обшивки[12], но этой возможностью никто не воспользовался. Несколько снимков, полученных через областной фонд капитального ремонта от исполнителя работ, ООО "ПромЖилСтрой", как будто бы подтверждают неоднородность использованной в стенах древесины, как по степени износа, так и по характеру обработки и диаметру ствола, причем более старый на вид, зачастую весьма массивный, брус преобладает как раз в верхних частях сруба (ил. 7).

Дело между тем не в простом любопытстве, ибо сохранявшийся до середины 50-х годов дом Селюгиных – один из первых домов в Опочке, выстроенных по регулярному плану, фактически ровесник улицы, на которой стоял. Достаточно сказать, что он помнил еще проезд через город императрицы Екатерины II (1780). Дату постройки дома сохранила запись на странице «Сокращенного молитвослова» (СПб., 1885), принадлежавшего, видимо, Александру Васильевичу Селюгину: «1776 году въ Октеб. Мсце перешли жить въ де[ре]вяны

[11] Принадлежал затем 3-й гильдии купцу А. И. Святогорову, а еще поздней – А. А. Барышникову.
[12] Новая обшивка, из более широких досок, кажется более качественной.

домъ что ныне существуетъ называеть зеленымъ домомъ Селюгина Ѳедотъ его сынъ Силла у Силлы дети Иванъ, Василій, Матвей, Михайла. Ѳедотъ отпущенъ на волю Графомъ Разумовскимъ. Есть отпускная»[13]. Осень и, в частности, праздники Покрова и Введения Богородицы в самом деле были на Руси обычным временем переезда в новое, только что построенное и отделанное за теплые летние месяцы жилье. О предыдущем местожительстве Селюгиных ничего неизвестно. Лучшее, на что можно надеяться – это узнать когда-нибудь имя их тогдашнего прихода. Из текста «абшита» и скрепивших его записей, по крайней мере, видно, что Федот Степанович жил в Опочке, еще будучи крепостным, и какое-то время служил в Опочецкой воеводской канцелярии. (Что же касается поступления Федота и его сыновей в местное купечество, то к тому, парадоксальным образом, побуждали не только личные амбиции, но и требования гражданских властей: «…а о немедленном приискивании к записке ему, Селюгину, как себя, так и семейства своего места яко то в купечество или к кому во услужение, или в военную службу, куда пожелать может, и о том бы просить ему особым челобитьем, где надлежит, а праздно бы не жить он, Селюгин, подпискою обязан»[14]).

Ранняя дата постройки «зеленого дома» объясняет четное число окон по фасаду. Неоклассицизм с его предписанием иметь нечетное число «осей» в первой половине екатерининского царствования едва только входил в моду и на регламентации строительства в российских городах отразиться не успел. Иначе говоря, внешний облик дома оставался прямым отражением его внутреннего устройства. И, судя по фотографиям, дом Федота Селюгина был типичным семистеном, разделенным капитальными стенами как наверху, так и в нижнем полуэтаже на шесть почти равных по площади «упокоев». Такую же планировку и такое же количество верхних окон по главному фасаду имеет, между прочим, более старая часть соседнего дома № 71 (быв. купцов Кудрявцевых)[15]. Вполне возможно, что сруб ее восходит к рубежу XVIII–XIX веков, а к началу второй половины XIX века относятся лишь обшивка с накладным декором и кирпичный цоколь – такой догадке не противоречат и данные «Обывательской книги»

[13] Семейный архив Селюгиных, С.- Петербург.
[14] Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). С. 86 (106).
[15] См.: Гордин А. М. Застройка эпохи классицизма в современной Опочке // Псков, № 12, 2000. С. 146–147; Андреев Д. В. Опочка 19 – начала 20 в.: деревянные дома на ул. Ленина и их владельцы. Опочка, 2014. С. 7–9 (машинопись; работа была с успехом представлена на областной научно-практической конференции учащихся).

1829–1832 годов[16]. Еще один и, возможно, не менее старый пример семистена на бывшей Великолуцкой ул. – дом № 75: одноэтажный, капитально отремонтированный и обложенный в 1982 г. силикатным кирпичом[17].

Двухскатная крыша селюгинского дома – вместо обычной в XVIII столетии у богатых домов вальмовой – быть может, не была первоначальной, а стала следствием ремонта середины XIX века. О таком ремонте свидетельствует, прежде всего, запечатленный на фотографиях накладной позднеклассицистический декор: руст и узкие лопатки, выделявшие углы и среднюю часть фасада, сандрики над верхними окнами и тяга под ними[18]; сама тесовая обшивка – по крайней мере, со стороны двора – при этом, похоже, не менялась (ил. 8).

Бесспорно, что двускатная кровля выразительно сочеталась с такой же широкой крышей кирпичного дома и фронтоном его дворового ризалита – подобно тому, как полукруглое окошко над парадной дверью удачно перекликалось с арочными окнами и круглыми нишами на соседнем фасаде (ил. 4, 5). Впечатление ансамбля подчеркивала и начинавшаяся за фасадом «зеленого дома» кирпичная ограда, впрочем, относившаяся главным образом к участку Кудрявцевых.

Судя по другому сделанному во дворе семейному снимку, тыльная стена дома Федота Селюгина, в отличие от уличной, опиралась на высокий валунный цоколь. Заметим, что цоколь нынешнего дома, исходно был такой же скромной высоты, как и старый со стороны улицы, будучи сложен, однако, из некрупного, в том числе колотого камня. Целиком ли новая эта кладка и не сохранилась ли под ней часть фундамента XVIII в., мне не известно. (При недавнем ремонте полуразобранный цоколь и нижний гнилой венец оказались снаружи плотно забетонированы, вокруг же сделана мощная бетонная заливка – решение явно

[16] Дом, доставшийся его хозяйке, 66-летней опочецкой 3-й гильдии купчихе Екатерине Александровне Кудрявцевой, от мужа, был тогда среди самых населенных в городе – в нем жило пятеро взрослых и столько же детей. – ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 1 «Обывательская книга города Опочке с 1829го по 1832^{й} год». Л. 24 об.–25. Судя по данным на 1820 г. (РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4235), в среднем на один дом в городе приходилось 4,5 души, а среди купеческих семей – 3,6 души.

[17] Дом на этом углу до середины XIX в. был первым за городской заставой.

[18] Ср. со схожей отделкой, полученной домиком няни в Михайловском, вероятно, уже при Г. А. Пушкине, вскоре после 1866 г. Точно таким же окрашенным белилами рустом одеты углы Казанской церкви в Святых Горах – этот декор, скрывавший стыки необычно широких и гладких досок обшивки, появился не позже ремонта 1877 г.

ошибочное, так как, скорее всего, будет способствовать подсосу влаги: конструкции из натуральных материалов должны «дышать», а вместо заливок специалисты давно рекомендуют делать вокруг стен булыжную отмостку).

Против тыльной стороны старого селюгинского дома – очевидно, на месте нынешних сараев – имелся одноэтажный флигель. О нем говорила мне жившая в нем в 1920-х годах родственница Селюгиных Ксения Федоровна Копылова. Флигель, быть может, был тот же самый, что упомянут «Обывательской книгой» 1829–1832 годов в числе полудюжины принадлежавших Василию Силичу Селюгину строений. Разве что первоначально он мог стоять на месте кирпичного дома: в начале XIX века флигели принято было ставить лицом к улице. Что касается самого кирпичного дома (№ 67), то читавшаяся ранее на его стене и закрепленная с 1980-х годов охранными документами дата «1871» вполне могла быть отштампована на квадратной страховой табличке, хорошо видной у южного бокового окна на снимке 1917 года (ил. 5), а, следовательно, не являлась датой постройки, хотя, возможно, и близка к реальной[19]. Другое возможное объяснение исчезнувшей даты заключается в том, что она украшала не дом, а примыкавший до середины XX в. к его заднему торцу, выстроенный глаголем амбар из валунного камня – так же, несомненно, детище Александра Васильевича Селюгина[20]. Подобных купеческих амбаров с выбитой датой от 1870-х годов в регионе сохранилось сразу несколько – в частности, в Новоржеве и Велье.

Из поздней истории усадьбы можно отметить факт закладки участка в середине 1890-х годов за ссуду в шесть тысяч рублей в С.-Петербургско-Тульском поземельном банке: «А) по Великолуцкой улице, 3 квартала, а ныне 45 квартал и Б) часть места в том же 45 квартале под № 336 (600 кв. сажень)». Ссуда была погашена Александром Васильевичем лишь незадолго до кончины[21].

---

[19] Даты, вырезанные или выложенные в кирпиче, обычно не исчезают. Квадратную форму имели, к примеру, таблички петербургского Коммерческого страхового общества (с датой «1870»). По паспорту БТИ, год постройки дома – 1949-й.

[20] http://pskovgrad.ru/pskovskaja_oblast/opocheckijj_rn/page/40/. Выложенный на сайте текст заимствован из охранного паспорта, авторы которого, реставраторы В. А. и А. М. Лебедевы, на основании характера отпечатка торца амбара полагают, что тот был старше дома. См. также: Андреев Д. В. Опочка купеческая. Каменные жилые купеческие дома 19 века на улице Ленина. Обнинск, 2013/2014. С. 9–10 (машинопись; работа участвовала во всероссийском конкурсе исследовательских работ учащихся «Шаги в науку»). Уточним, что в 1962 г. имел место не капремонт, а зафиксировавшая произведенные с 1949 г. переделки инвентаризация.

[21] РГИА, ф. 596, оп. 17, д. 5741. Для сравнения: площадь участка дома № 67, по данным на 1988 г., составляет приблизительно 1777 кв. м или около 390 кв. сажень, а площадь участка дома № 69, за исключением куска явно прирезанного от соседнего дома – порядка 940 кв. м или примерно 205 кв. сажень.

«Красный» кирпичный дом, по рассказам, отобрали у семьи уже в 1918 году, тогда как «зеленый» вместе с упомянутым флигелем оставался в распоряжении Селюгиных и их многочисленной родни еще более десятка лет – вплоть до высылки Владимира Александровича и его жены из Опочки[22]. До тех пор, пока старшие дети не покинули свои пенаты, вечерами за ужином собиралась большая семья. Во главе стола спиной к окну садился хозяин. Рассказывают, что через это окно в лихие годы его чуть было не застрелил охранявший находившийся напротив Уездный Совет красноармеец или солдат. «Из классовой ненависти», понятное дело. Слава Богу, его сумел остановить его более благоразумный товарищ. Он же и поведал позднее этот эпизод… Трудно теперь датировать его с точностью, но очевидно, что в 1917 – начале 1918 года занятное соседство, окна в окна, местного, пока еще многопартийного, Совета и лояльного Временному правительству главы старого городского самоуправления, возглавившего после Октября уездный Комитет спасения родины и революции, словно иллюстрировало царившее в городе и стране двоевластие[23].

Итак, одно из первых в Опочке зданий, построенных по регулярному плану – заметим, не по плану уездного города, что будет высочайше утвержден в 1778 году, а по разработанному за четыре года до этого архитектором И. Е. Старовым плану губернского центра[24], – дом вольноотпущенника Федота Селюгина, основателя видной опочецкой купеческой династии, просуществовал почти в первозданном виде 180 лет. Не исключено, однако, что часть конструкций этого почтенного ровесника Декларации независимости США (1776) была использована при возведении на его месте нового жилого дома, как то часто практиковалось в 1950–1960-е гг. в Опочке при перестройке старых деревянных муниципальных домов (на улицах Пушкина, Калинина, Дзержинского, Урицкого и др.)[25]. Именно по этой причине дом № 69 был в 1998 году включен в реестр объектов культурного наследия.

---

[22] Приблизительно в 1930 или 1931 г. после этого Владимир Александрович жил в дачном поселке Вырица под Ленинградом, где и умер.

[23] См., в частности: Васильев Н. И., Степанов А. В., Федоров Т. В. Опочка. Путеводитель. Л., 1973. С. 54–58. По иронии судьбы, полвека спустя новый Дом Советов возвели напротив дома другого – по всему судя, совсем непривлекательного – оппонента Совдепов и члена городской управы, нотариуса Григорьева (ныне дом детского творчества).

[24] Лагунин И. И. Дорогами Пушкина: путешествие в Опочку // Псков, №. 9, 1998. С. 141–142; Гордин А. М. Застройка эпохи классицизма в современной Опочке. С. 140.

[25] Большинство этих домов, по сути, являют собой ценные постройки XIX в., лишь несколько перепланированные, перелицованные и порой сменившие форму кровельного покрытия.

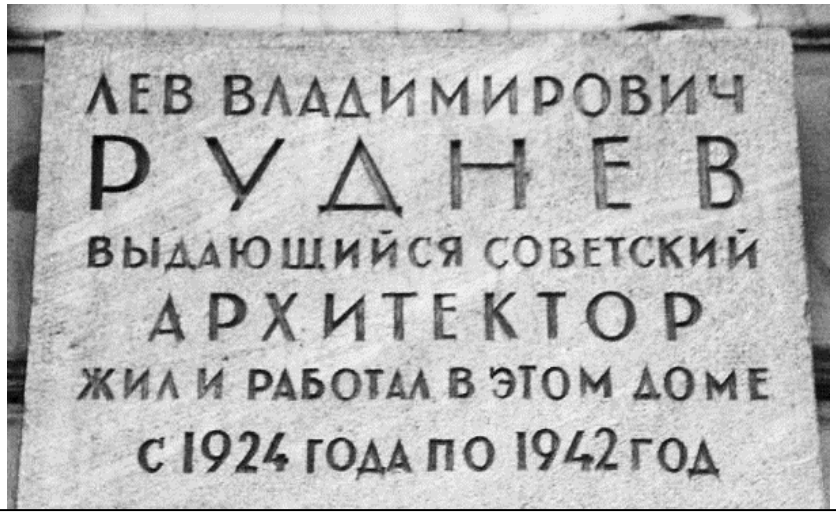
Говоря о селюгинской усадьбе, стоит упомянуть в конце и о другом, располагавшемся по соседству – наискось от «зеленого дома» – фамильном гнезде, оставшемся в семейной памяти под именем дома Краузе. В самом деле, предреволюционный «Список дворовых и усадебных мест» отмечает на Блонтовской (ныне Некрасова) улице, в 51-м квартале, домовладение «[наследников] Ольги Петровой Краузе, Веры, Константина и Петра Павловых Краузе, Надежды Павловой Селюгиной и Ольги Павловой Никитиной»[26]. Упомянутая Надежда Павловна Селюгина, также урожденная Краузе, была женой старшего сына Александра Васильевича Селюгина Сергея (1870–1935), на сестре которого Евгении (1881–1967) был женат Константин Павлович Краузе (1877–1964), в то время как сам Александр Васильевич Селюгин был женат на Софье Федоровне Краузе (1849–1906), очевидно, тетке названной невестки и зятя[27]. Современный адрес дома – Некрасова, 3 (ил. 9). Хотя уцелевшая часть тесовой обшивки с ложной каннелированной пилястрой соответствует скорее стандартам второй половины XIX века, сам по себе домик – точнее его начальное ядро в пять осей по фасаду – судя по неплохим пропорциям и кольцевой анфиладе с центральным зальцем со стороны улицы (ил. 10), построен по образцовому проекту не позднее середины XIX века[28]. В этой связи обращает на себя внимание, что «Обывательская книга» 1829–1832 годов числит в данном квартале, носившем тогда № 24, «на 8-м месте» один из трех деревянных жилых домов Василия Силича Селюгина[29]. К сожалению, порядок нумерации мест в 24-м квартале точно не установлен. Несомненно, однако, что 8-е место было угловым, и это вполне согласуется с местоположением дома Краузе. Пристройка к нему с левой стороны вместе с парадным входом (теперь замененным окном) возникла, надо полагать, еще до революции; нетрудно, впрочем, заметить, что старые доски обшивки левой пристройки у́же досок обшивки первоначальной части[30]. Капитальная пристройка с правой стороны, а также новые веранды появились лишь в 1970-е годы. Тогда же исчезла придававшая дому известное своеобразие чердачная мансарда с тремя окнами и дверью на садовую террасу – размеры и конфигурация этой мансарды, кстати,

[26] ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 3160. Л. 447. Кто именно из наследников проживал в доме, не ясно. Ольга Петровна (1842/43–1908) и Павел Федорович Краузе (1841–1903) погребены на Покровском кладбище.
[27] Сведения заимствованы из родословной росписи Селюгиных.
[28] Гордин А. М. Застройка эпохи классицизма в современной Опочке. С. 145.
[29] ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 1. Л. 63 об.–64.
[30] Примерно также различается обшивка старой части вышеупомянутого дома Кудрявцевых и обширной пристройки к нему с тыльной стороны, сделанной ближе к концу XIX в.

позволяют думать, что дом по меньшей мере со времени появления первой пристройки имел, как и ныне, двухскатное, а не вальмовое покрытие.

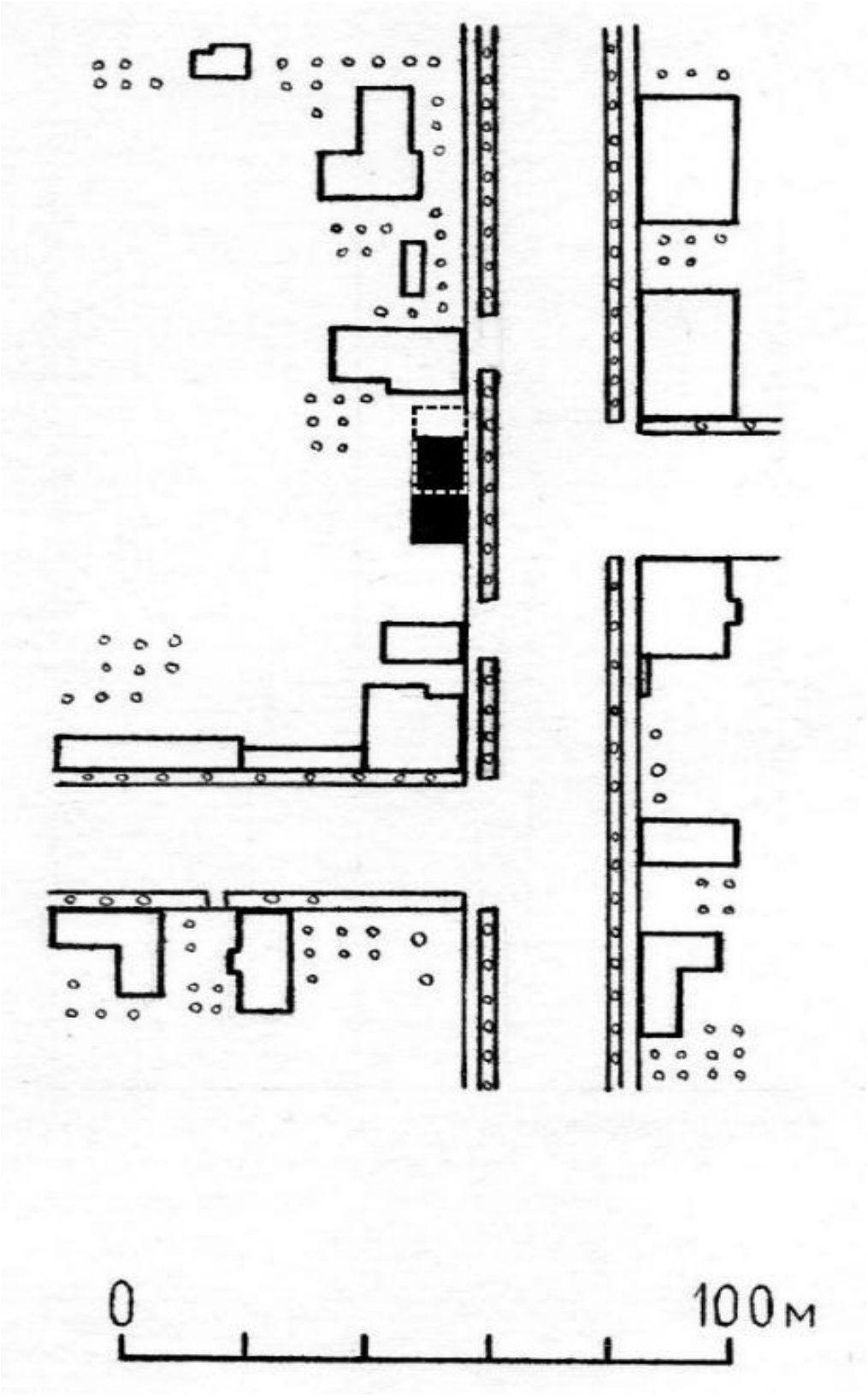
В результате всех хаотических переделок облик дома Краузе во многом утратил свою привлекательность. Грамотная реставрация могла бы вернуть былую гармонию и подчеркнуть архитектурные достоинства этого редкого в Опочке образчика жилой застройки XIX века. Но можно ли всерьез надеяться на это в наших условиях?

Иллюстрации:

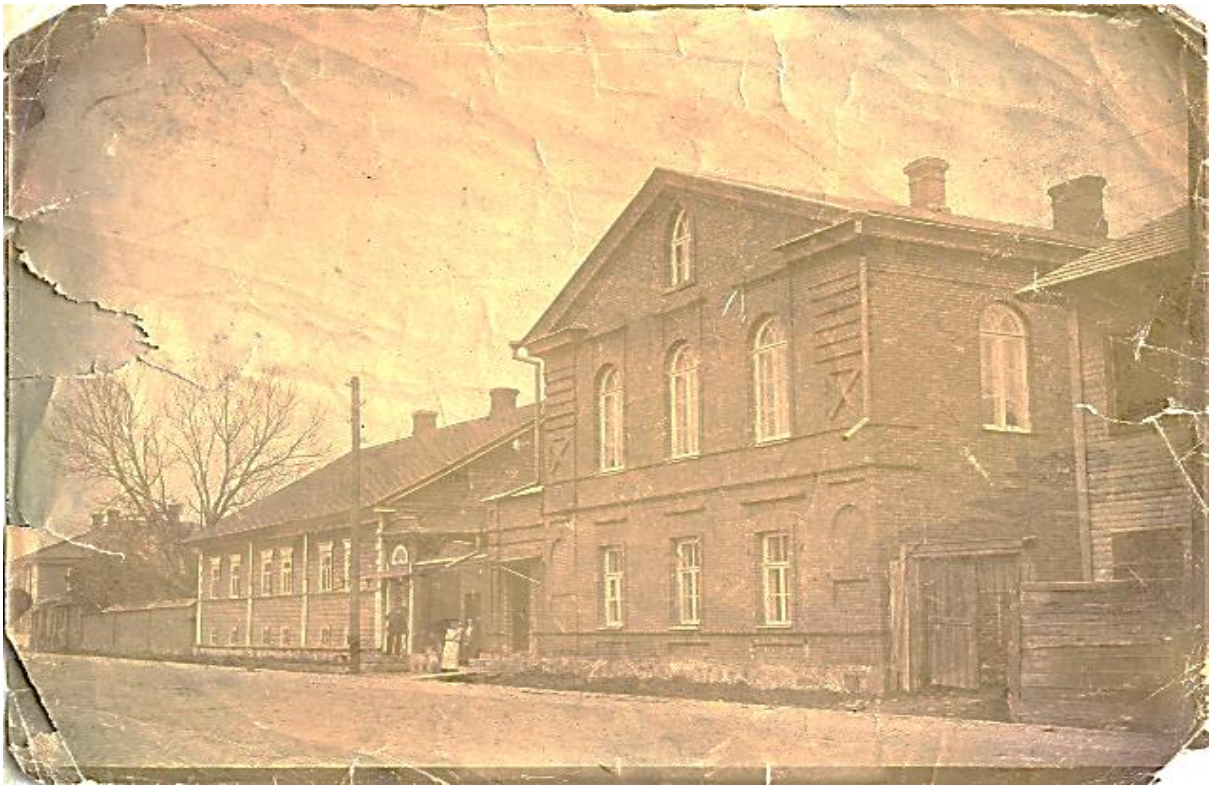


Ил.1 Мемориальная доска Л. В. Рудневу (С.-Петербург, ул. Кирочная, 17)

Ил.2 Опочка, ул. Ленинская, 69. *Фото автора, 1992 г.*



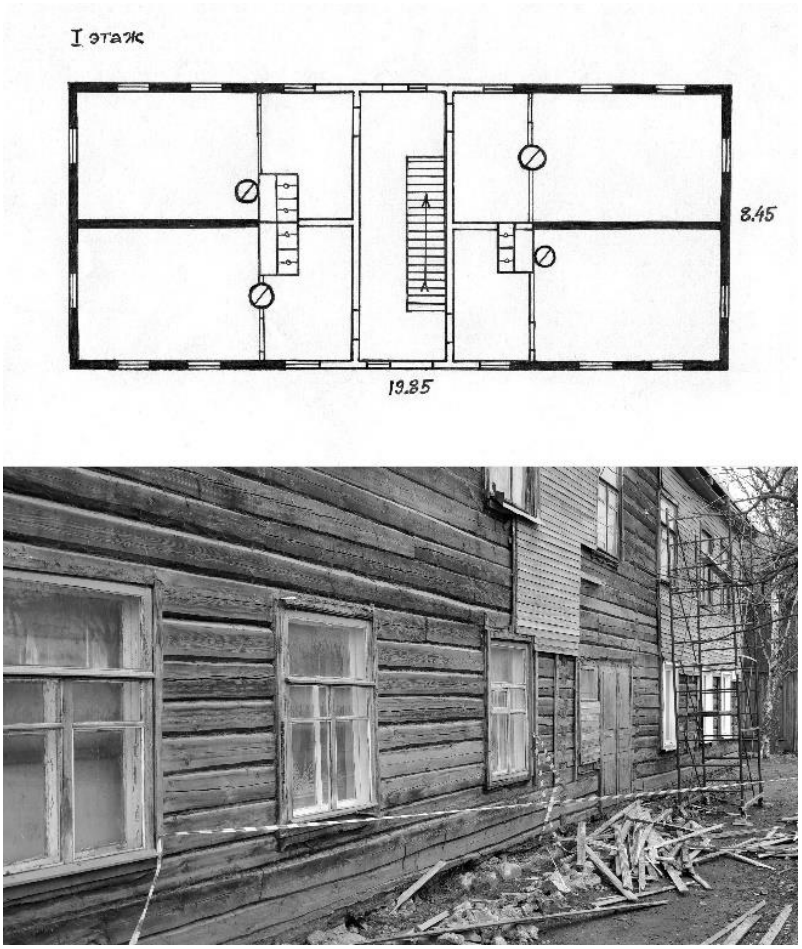
Ил.3 План застройки в районе угла улиц Некрасова и Ленина. Заливкой выделен дом № 69, местоположение деревянного селюгинского дома обозначено пунктиром. *Чертеж автора на основе генплана и планов БТИ, 1990-е гг.*



Ил.4 Усадьба А. В. Селюгина. *Фото из семейного альбома Селюгиных, конец XIX или начало XX в.*

Ил.5 Манифестация на Великолуцкой улице. Весна 1917 г. *Фото любезно предоставлено А. В. Кондратеней* (этот снимок есть и в семейном альбоме Селюгиных)

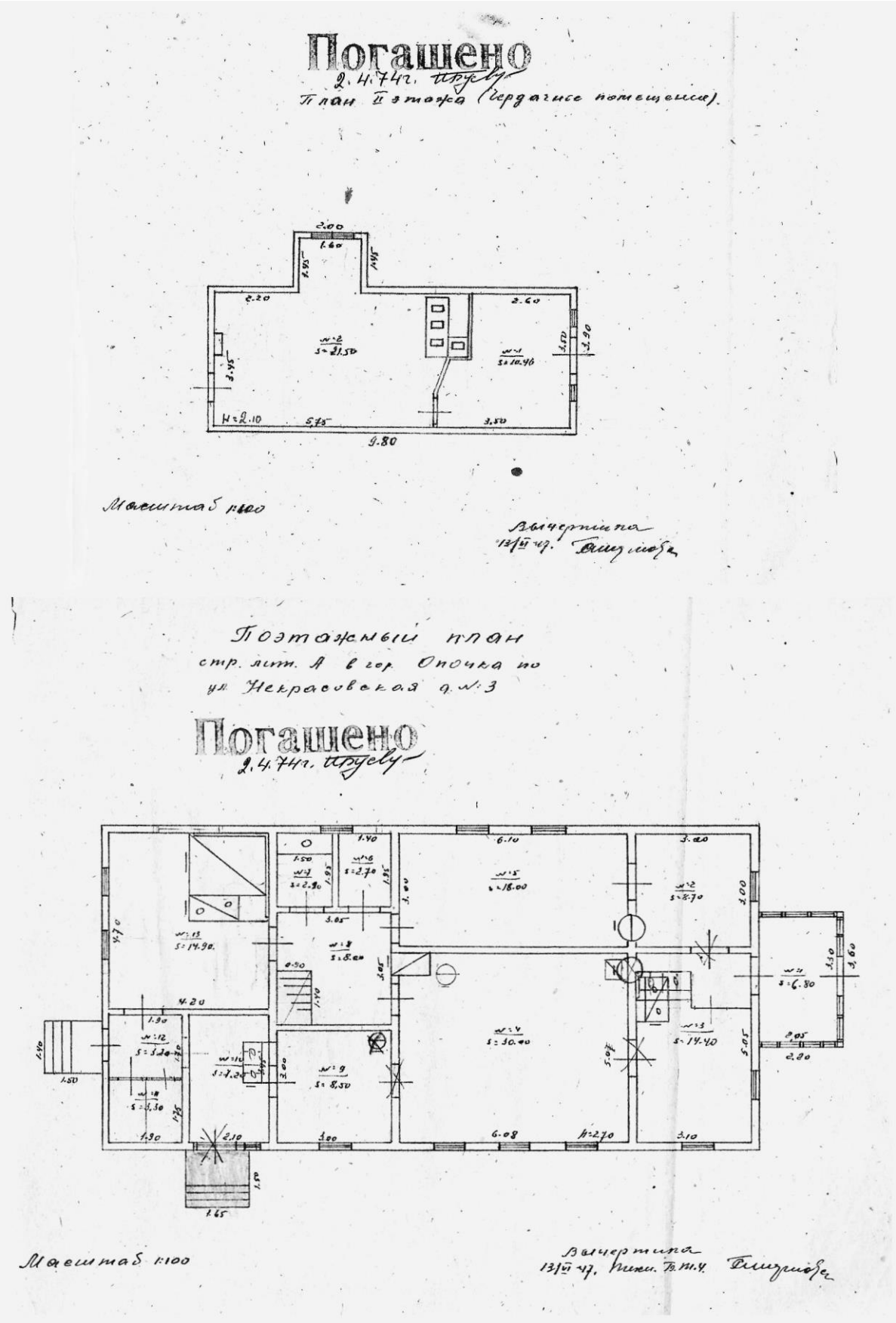
Ил.6 Совмещенные виды усадьбы Селюгиных и дома № 69. *Фрагменты открытки начала XX в. и фото середины 1980-х гг.*



Ил.7 Схематический план 1-го этажа дома № 69 на основе плана БТИ 1986 г.: заливкой обозначены гипотетические совпадения с планом дома Селюгиных. Дом № 69 в процессе ремонта. *Фото ООО «ПромЖилСтрой», 2018 г.*

Ил.8 Предположительно, Надежда Павловна и Сергей Александрович Селюгины с дочерью Верой и сыном Николаем у южного торца «зеленого дома». *Фото из семейного альбома Селюгиных, начало 1900-х гг.* Видна старинная обшивка и фальшивое окно в месте примыкания внутренней стены

Ил.9 Дом Краузе. Старая часть фасада. XIX в. *Фото Д. Андреева, 2020 г.*



Ил. 10. Поэтажные планы дома Краузе. 1947 г. © Архив ГБУ Псковской области «БТИ и ГКО». В переводе на старые меры длины первоначальные габариты сруба – 6 х 4 сажени (традиционные трехаршинные по 216 см)